

I

Когда наступил конец, он грянул как гром среди ясного неба, и лишь спустя годы я поняла, что вела к нему целая цепочка событий. Некоторые из этих событий вовсе не касались нас, Моррисонов, — это были семейные дела Паев, ближайших наших соседей, с фермы в миле от нас. Паи и всегда-то, с незапамятных времен, слыли неблагополучной семьей, но в тот год в их большом старом фермерском доме, стоявшем на отшибе, разворачивался настоящий кошмар. И мы не ведали, что кошмару Паев суждено переплестись с мечтой Моррисонов. Предвидеть такое было невозможно.

Конечно, если ищешь истоки каких-то событий, то рискуешь влезть в немыслимые дебри, чуть ли не до Адама докопаться. Но в нашей семье в то лето грянула катастрофа, после которой могло начаться все

что угодно. Случилась она в июле, душным субботним днем, когда мне было семь лет, и нормальная семейная жизнь на этом закончилась; даже сейчас, спустя почти двадцать лет, я не в силах смотреть на это трезво.

Только одно можно сказать в утешение: хотя бы закончилось все на мажорной ноте, ведь за день до того — в последний день, когда мы были вместе всей семьей, — родители мои узнали, что Люк, еще один мой брат, сдал выпускные экзамены и его приняли в педагогический колледж. Такого успеха от Люка никто не ожидал, ведь ему, мягко говоря, науки давались с трудом. Помню, где-то я вычитала теорию, что в семье у каждого есть роль — «умница», «красавчик», «эгоист». Стоит хоть немного вжиться в роль, и она к тебе прилипнет намертво — что бы ты ни делал, люди видят не тебя, а свои ожидания, — но в самом начале, когда только примеряешь роль на себя, у тебя есть выбор. Если так, то Люк с детства облюбовал себе роль «оторви да брось». Не знаю, что определило его выбор, но, может статься, ему все уши прожужжали историей о прабабушке и ее знаменитой подставке для книг. Эта история стала несчастьем всей его жизни. Причем не единственным: еще одно — такой брат, как Мэтт. Мэтт столь явно умом удался в прабабушку, что Люку даже не стоило за ним гнаться. Проще было нащупать свой истинный дар — а лучше всего у него получалось мотать нервы родителям — и практиковаться без устали.

Но так или иначе, вопреки себе самому, в девятнадцать лет он сдал экзамены. Сбылась мечта трех по-

колений: первый из Моррисонов получит наконец высшее образование.

Да и не только из Моррисонов, а, сдается мне, первый на Вороньем озере, в небольшой фермерской общине на севере Онтарио, где все мы четверо родились и выросли. В те дни Воронье озеро с внешним миром связывали лишь пыльная грунтовка да железная дорога. Поезда не останавливались, если им не помажешь, а грунтовка вела только на юг, ибо кому охота пробираться дальше на север? Десяток ферм, лавка, несколько неприметных домиков на берегу, школа да церковь — больше ничего на Вороньем озере не было. Повторюсь, за всю историю из наших мест не вышло ни одного ученого, и успех Люка достоин был первой полосы воскресной церковной газеты, не разразись в нашей семье катастрофа.

Люк, видимо, получил из колледжа письмо-подтверждение в пятницу утром и сказал маме, а та позвонила отцу на работу, в банк в Струане, за двадцать миль от нас. Неслыханное дело, чтобы жена отвлекала мужа от работы, если это работа в офисе. И все-таки мама ему позвонила, и они решили объявить нам новость за ужином.

Ту трапезу я прокручивала в голове множество раз, но вовсе не из-за потрясающей новости Люка, а потому что это был наш последний семейный ужин. Да, память играет с нами шутки, хранит ложные воспоминания наряду с подлинными, но этот ужин я помню во всех подробностях. И спустя годы горше всего для меня то, до чего он был будничным, обыденным. Сдержанность в нашем доме считалась за правило.

Чувства, даже радость, полагалось обуздывать. Такова была Одиннадцатая заповедь, начертанная на отдельной скрижали и выданная пресвитерианам: *Не давай воли чувствам.*

Итак, ужин в тот вечер был самый обычный — довольно строгий и чопорный, и развлекала нас время от времени только Бо. Сохранилось несколько ее фотографий в том возрасте. Кругленькая, как колобок, светлый пушок на голове торчком, будто ее ударило молнией. Вид у нее кроткий и безмятежный — судите сами, насколько может врать фотоаппарат.

Все мы сидели на своих обычных местах: на одном конце стола Люк и Мэтт, девятнадцати и семнадцати лет, на другом — семилетняя я и полутораговая Бо. Помню, как отец начал читать молитву, но тут Бо его перебила, попросила соку, а мама сказала: «Подожди минутку, Бо. Закрой глаза». Отец начал заново, Бо опять перебила, и мама пригрозила: «Еще раз перебьешь — отправишься в кровать», и Бо, сунув в рот большой палец, принялась его сосать, ритмично почмокивая, будто тикает бомба с часовым механизмом.

— Попробуем еще раз, Господи, — сказал отец. — Благодарим Тебя за пищу, что Ты дал нам сегодня, а главное — за сегодняшнюю новость. Помогите нам никогда не забывать, насколько мы счастливы. Помогите нам с умом распоряжаться нашими возможностями и использовать наши малые дары во славу Твою. Аминь.

Люк, Мэтт и я потянулись, мама налила Бо сок.

— А что за новость? — спросил Мэтт. Сидел он прямо напротив меня — если соскользнуть на краешек

стула и вытянуть ноги, то можно дотронуться большим пальцем ноги до его колена.

— Ваш брат, — отец кивком указал на Люка, — поступил в педагогический колледж. Сегодня пришло письмо-подтверждение.

— Серьезно? — Мэтт покосился на Люка.

Посмотрела на него и я. Вряд ли до того дня я хоть раз внимательно вглядывалась в Люка, всерьез его замечала. Почему-то совместных дел у нас с ним почти не было. Он старше Мэтта, но, думаю, разница в возрасте тут ни при чем. Просто общего между нами было немного.

Но в тот раз я впервые разглядела его по-настоящему — за столом рядом с Мэттом, там же, где он сидел последние семнадцать лет. Во многом они были похожи — сразу видно, братья. Почти одного роста, светло-русые, сероглазые, с длинными моррисоновскими носами. Отличались они в основном сложением: Люк — плечистый, тяжелее Мэтта фунтов на тридцать, неторопливый и сильный, а Мэтт — ловкий, проворный.

— Серьезно? — притворно удивился Мэтт. Люк искоса глянул на него. Мэтт широко улыбнулся и, уже не прикидываясь удивленным, сказал: — Вот здорово! Поздравляю!

Люк пожал плечами.

Я спросила:

— Ты будешь учителем? — Это не укладывалось в голову. Учитель — человек очень важный, а Люк — всего-навсего Люк.

— Да.